

27. Tyurin Ye. A., Savinova Ye. N. Natsionalnyy stil razvitiya politicheskogo protsessa v sovremennoy Shotlandii: k voprosu o shotlandskoy natsionalnoy identichnosti [National style of political process development in modern Scotland: to the issue of Scottish national identity]. *Vlast* [Power], 2015, no. 4, pp. 195–200.

28. Fantaz S. *Natsionalnye osobennosti sistem upravleniya personalom: Yaponiya, SShA, Rossiya, Ukraina* [National features of personnel management systems: Japan, USA, Russia, Ukraine]. Available at: <http://www.hr.portal.ru/article/natsionalnye.osobennosti.sistem.upravleniya.personalom.yaponiya.usa.rossiya.ukraina>.

29. Fevr L. *Tsivilizatsiya: evolyutsiya slova i gruppy idey* [Civilization: the evolution of the word and a group of ideas]. *Fevr L., Bobovich A. A., Gurevich A. Ya. Boy za istoriyu* [Fevr L., Bobovich A. A., Gurevich A. Ya. Battles for history]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 629 p.

30. Frolov Ye. D. Problema tsivilizatsiy v istoricheskom protsesse [The problem of civilizations in the historical process]. *Vestnik Sankt-Peterburgsko gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya"* [Bulletin of the St. Petersburg State University. Series "History"], 2006, no. 2, pp. 96–100.

31. Khantington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The clash of civilizations]. Moscow, AST Publ., 2003.

32. Shpengler O. *Zakat Yevropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii* [The Decline of Europe. Essays on the morphology of world history]. Moscow, Mysl Publ., 1993, vol. 1 "Gestalt and reality".

33. Yakovets Yu. V. *Globalizatsiya i vzaimodeystvie tsivilizatsiy* [Globalization and interaction of civilizations]. Moscow, Ekonomika Publ., 2003.

СТАБИЛЬНОСТЬ И ДИНАМИКА ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ

Шпагин Сергей Александрович, кандидат исторических наук
Национальный исследовательский Томский государственный университет
Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр-т Ленина, 36
E-mail: shpagin1972@mail.ru

Статья посвящена оценке общих масштабов динамики партийной системы современной России средствами количественного анализа. Для решения поставленной задачи в работе проводится исследование статистических данных о результатах выборах в Государственную Думу в 1993–2016 гг. с использованием модифицированного индекса электоральной волатильности. Традиционная методика исследования, разработанная М. Педерсеном, ориентировалась только на динамику стабильных демократий и строилась на подсчёте изменений уровня электоральной поддержки партий. Материалы исследования демонстрируют необходимость детального учёта не только колебаний в поддержке партий избирателями, но и структурных изменений в партийной системе, происходящих в период между выборами в представительные органы власти. Для этого предлагается дополнить расчёт электоральной волатильности вычислением индекса межэлекторальной волатильности по методу Э. Пауэлл и Дж. Такера, а также суммарным показателем общей волатильности. Но и этот метод требует корректировки, поскольку в исходной версии не учитывает показатели малых партий. Только такая методика позволяет в полной мере оценить, насколько существенными были масштабы перемен в российской партийной системе в 1990-е гг., и какую структуру имели эти изменения. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что после резкого всплеска волатильность с 1999 г. быстро снижается, и даже новая волна партийного строительства после 2012 г. не оказала влияния на эту тенденцию.

Ключевые слова: партийная система, выборы, электоральная волатильность, межэлекторальная волатильность, М. Педерсен, Государственная Дума

**STABILITY AND DYNAMICS OF PARTY SYSTEM
IN RUSSIA: NEW OPPORTUNITIES FOR STUDYING**

Shpagin Sergey A., Ph.D. (History)
National Research Tomsk State University
36 Lenina Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation
E-mail: shpagin1972@mail.ru

The article is devoted to assessment of the general scales of dynamics of party system of modern Russia by means of the quantitative analysis. For the solution of an objective in work the research of statistical data on results State Duma elections in 1993–2016 with use of the modified index of electoral volatility is conducted. The traditional technique of a research developed by M. Pedersen was guided only by dynamics of stable democracies and was under construction on calculation of changes of level of electoral support of parties. Materials of a research show need of detailed account not only fluctuations for support of parties by voters, but also the structural changes in party system happening during the period between elections to representative bodies of the power. It is for this purpose offered to add calculation of electoral volatility with calculation of the index of interelectoral volatility by a method E. Powell and J. Tucker and total indicator of the general volatility. In addition, this method demands adjustment as it in the initial version does not consider indicators of small parties. Only such technique allows estimating fully how essential were scales of changes in the Russian party system in the 1990th and what structure these changes had. The obtained data allow drawing a conclusion that after sharp splash volatility since 1999 quickly decreases, and even the new wave of party construction after 2012 did not exert impact on this tendency.

Keywords: party system, electoral process, electoral volatility, interelectoral volatility, M. Pedersen, State Duma

Исследования политических партий и партийной системы в России давно и прочно заняли свое место в структуре российской и мировой политической науки. Изучаются истоки и закономерности исторической трансформации российской партийной системы [2; 5], особенности её институционализации в контексте изменений политического режима [13], воздействие на её динамику политико-правовых факторов, прежде всего, избирательного и партийного законодательства [3; 4; 6; 8], взаимодействие партийной системы с гражданским обществом [9], участие партий в законодательной деятельности [12] и многие другие аспекты.

Вместе с тем, интенсивные изменения, которые происходят в партийно-политической системе нашей страны в последние годы, ставят перед политологами новые вопросы. Среди них необходимость оценки масштабов происходящих изменений, их значения для стабильности, как партийной системы, так и всей политической системы общества, так как любая оценка требует адекватных инструментов, логичен и вопрос об использовании средств количественного анализа этой стабильности.

Одним из главных показателей стабильности партийной системы является степень устойчивости показателей поддержки партий на выборах. Для измерения этого параметра в сравнительной политологии используется так называемый индекс электоральной волатильности, предложенный в конце 1970-х гг. норвежским политологом М. Педерсеном. Этот индекс равен половине суммы абсолютных величин разностей между процентами голосов, полученных каждой партией на текущих и предыдущих выборах [15, p. 9]:

$$V_t = \frac{\sum_{i=1}^n |\Delta p_{i,t}|}{2},$$

где $|\Delta p_{i,t}|$ – разность между процентами голосов, поданных за партию i на текущих выборах t и на предыдущих $t-1$, а n указывает общее количество партий, принимавших участие в двух выборах подряд. Сумма абсолютных величин изменения доли голосов всех партий от выборов к выборам даёт возможность количественной оценки масштабов изменений, которые произошли за это время в партийной системе страны.

Как правило, на начальном этапе становления партийной системы уровень электоральной волатильности очень высок. Политические симпатии избирателей могут заметно колебаться, так как ещё не оформились в устойчивую поддержку определённых партий и блоков. Однако в дальнейшем электоральная волатильность имеет тенденцию к снижению, хотя и может оставаться высокой в связи с возникновением кризисных явлений во внутренней политике страны.

Для стабильных партийных систем, характеризующихся относительно неизменным набором игроков, индекс волатильности М. Педерсена представляет собой достаточно эффективный инструмент оценки их устойчивости. Проблемы с его применением начинаются тогда, когда этот показатель используется по отношению к партийным системам стран, находящихся в состоянии политического кризиса или поствторитарной трансформации режима. Масштабы изменения уровня поддержки устойчивых избирательных объединений и партий в таких политических системах могут оказаться небольшими, однако это совсем не свидетельствует о стабильности соответствующих партийных систем. Как правило, такие этапы политического развития сопровождаются значительными изменениями политической идентификации граждан и структурными реорганизациями партий. А ведь возникновение, слияние, разделение или ликвидация партий свидетельствует о нестабильности партийной системы ничуть не меньше, чем изменение уровня электоральной поддержки. К сожалению, индекс электоральной волатильности фиксирует общую динамику силы лишь тех более или менее стабильных партий, которые участвуют как минимум в двух выборах подряд. Вновь образованные, реорганизованные и исчезнувшие к следующим выборам политические организации оказываются за рамками внимания [11, р. 112]. Как же быть, если их количество столь значительно, что выходит за рамки статистической погрешности?

Для преодоления этих недостатков Э. Пауэлл и Дж. Такер предложили скорректировать индекс Педерсена. В их трактовке этот показатель, который они называют «волатильностью типа В», нуждается в дополнении индексом «волатильности типа А». Этот дополняющий показатель вычисляется путём деления на два суммы процентов голосов партий, однократно участвующих в выборах, и призван учесть изменения количественного состава партийной системы в период между выборами [16, р. 127]. Таким образом, общая волатильность партийной системы вычисляется путем сложения показателей электоральной «волатильности типа В» и межэлекторальной «волатильности типа А»:

$$V_t = \frac{\sum_{i=1}^n |\Delta p_{i,t}|}{2} + \frac{\sum_{k=1}^l L_{k,t-1} + \sum_{s=1}^m M_{s,t}}{2},$$

где $L_{k,t-1}$ – доля голосов, поданных на предыдущих выборах $t-1$ за партию k , не принимающую участия в нынешних выборах t ; l – общее количество таких партий; $M_{s,t}$ – доля голосов за партию s , участвующую в выборах t , но не выдвигавшую своих кандидатов на прошлых выборах.

Естественно, что в менее стабильных партийных системах количество и удельный вес вновь создаваемых, ликвидируемых и радикально реорганизуемых партий составит вполне ощутимую величину, и за счёт этого уровень общей волатильности там окажется существенно выше, чем в государствах с устоявшейся партийной системой. Можно также предположить, что в устойчивых демократиях доля партий, претерпевающих радикальные организационные изменения в период между выборами, будет меньше, чем сумма перепадов уровня электоральной поддержки стабильно действующих партий. Поэтому для стабильных партийных систем первое слагаемое обновленной формулы окажется, скорее всего, больше второго. И наоборот, доминирование показателя межэлекторальной волатильности в формуле можно рассматривать как индикатор нестабильности партийной системы.

Стоит заметить, что сами Э. Пауэлл и Дж. Такер склонны упрощать калькуляцию своего индекса и исключать из подсчёта показатели тех партий, которые набра-

ли менее 2 % голосов. По их мнению, столь слабые партии не могут считаться включенными в партийную систему. Возможно, что для стабильной партийной системы с небольшим количеством малых партий такой подход вполне оправдан. Однако при большой фрагментации именно колебания результатов малых партий оказывают значительное воздействие на суммарный показатель волатильности партийной системы. Поэтому при дальнейших расчётах ими не стоит пренебрегать.

Другую корректировку индекса волатильности осуществил С. Эрссон. Он предложил учитывать различия между ситуациями реорганизации уже существующих партий (создание предвыборного блока, слияние или раскол) и образованием или окончательной ликвидацией партий. В первом случае речь идёт об электоральной волатильности, если, конечно, реорганизация не привела к растворению ранее существовавшей организации в принципиально новых объединениях, радикальному обновлению руководства партии и принципиальной смене её идентичности. Поэтому для расчёта волатильности предлагается сравнивать результаты партий до и после блокирования / слияния / раскола, а в расчёт индекса включать абсолютную величину разности этих результатов. Образование принципиально новых партий или ликвидация старых – примеры межэлекторальной волатильности (Эрссон называет её «замещающей») – и соответствующие данные следует учитывать именно в этой части формулы общей волатильности [14, р. 5]. Таким образом, расчёт волатильности партийной системы требует вдумчивого предварительного анализа данных об изменениях партийного ландшафта и преобразования одних партий в другие.

Чтобы показать значение этих новых методик для оценки устойчивости партийной системы, проанализируем данные ЦИК РФ о выборах в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации в 1993–2016 г. [1]. Прежде всего, обратим внимание на то, что количество партий, участвовавших со своими списками в думских выборах несколько раз подряд, в течение всего изучаемого периода оставалось небольшим и относительно стабильным (табл. 1). «Единая Россия» на выборах 2003 г. и «Справедливая Россия» на выборах 2007 г. учитываются как участвующие второй раз, поскольку избирательные объединения, на основе которых они возникли, принимали участие в предыдущих выборах. Преобразование СПС в партию «Правое дело», а «Правое дело» – в «ПАРТИЮ РОСТА» хоть и сопровождалось острыми политическими скандалами со сменой руководства, но не повлияло на её идентификацию в качестве лояльной праволиберальной оппозиции. Такая интерпретация позволяет рассматривать эту цепочку организаций как одну, повторно участвующую в парламентских выборах 2011 и 2016 г.

Таблица 1

Показатели стабильности участия партий в выборах в Государственную Думу*

Год проведения выборов	Количество партий			
	участвовавших только в текущих выборах	участвовавших в двух выборах подряд	участвовавших в трех и более выборах подряд	преодолевших заградительный барьер
1993	13	–	–	8
1995	35	8	–	4
1999	18	4	4	6
2003	17	3	3	4
2007	3	3	5	4
2011	0	0	7	4
2016	7	0	7	4

Примечание: *подсчитано по [1].

В выборах 1995 г. вновь приняли участие все партии, входившие в Думу первого созыва (кроме Демократической партии России), и экологическая партия «Кедр», но пройти в неё повторно смогли только КПРФ, ЛДПР и «Яблоко». На следующих

выборах эти партии составили группу наиболее постоянных участников избирательного процесса, и, по мнению некоторых авторов, даже стали лидерами российской партийной системы [13, с. 136]. К ним добавились «Женщины России», однако после второй неудачи подряд эта партия в думских выборах самостоятельно уже не выступала. Неудачным было и повторное участие в тех выборах движения «Наш дом – Россия», «Конгресса русских общин», «Социал-демократов» и блока «Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз!». На выборах 2003 г. тройка самых постоянных партий осталась прежней, а группу повторно участвующих составили «Единая Россия», СПС и «Партия мира и единства». К выборам 2007 г. группа самых постоянных пополнилась «Единой Россией» и СПС, а в число повторно участвующих перешли Аграрная партия России, Демократическая партия России и «Справедливая Россия».

Исследователи уже отмечали, что прямой зависимости между численностью партий в парламенте и продуктивностью его законодательной работы нет [12, с. 135]. Заметим, что количество партий, преодолевших заградительный барьер и создавших собственные фракции в Думе, тоже прямо не связано с числом партий, неоднократно участвующих в выборах. Второе или даже третье участие могло стать как свидетельством укрепления позиций организации, так и демонстрацией её упадка (как в случае с «Демократическим выбором России» в 1995 г. или движением «Наш дом – Россия» в 1999 г.). Зато количество однократных участников избирательного процесса менялось строго в соответствии с общими закономерностями эволюции партийной системы: если в 1990-х гг. оно быстро росло, то в 2000-х гг. стало резко убывать пропорционально сокращению общего количества партий. В результате на выборах 2011 г. «одноразовых партий» и даже дважды участвующих не осталось вовсе, но и всего спектра политических интересов такая партийная система явно не отражала. Лишь партийная реформа 2012 г. открыла возможность образования новых партий и воссоздания ранее существовавших. Только за 2012 г. было образовано 280 оргкомитетов по созданию политических партий, и 19 партий получили право участия в выборах [7, с. 65–67]. Неудивительно, что и на думских выборах 2016 г. количество участвующих партий сразу удвоилось.

За исключением искусственно малопартийных выборов 2011 г., число однократно участвующих партий было гораздо больше, чем стабильных. Максимальная величина разрыва в 1999 г. указывает на то, что именно на вторую половину 1990-х гг. приходится период лихорадочного создания и ликвидации партий-однодневок. Логично ожидать, что именно к этому времени должны относиться максимальные значения общей волатильности партийной системы. Этот вывод подтверждается результатами анализа показателей волатильности, рассчитанных на основе статистики ЦИК РФ (табл. 2).

Таблица 2

**Показатели волатильности российской партийной системы
на выборах в Государственную Думу***

Год проведения выборов	Индекс электоральной волатильности	Индекс межэлекторальной волатильности	Индекс общей волатильности	Индекс Пауэлл – Такера
1995	24,5	27,21	51,71	41,92
1999	12,86	39,9	54,69	43,42
2003	12,19	17,06	29,25	22,12
2007	22,24	5,23	27,47	22,81
2011	16,97	1,85	18,82	18,7
2016	10,87	3,68	14,55	12,46

Примечание: *подсчитано по [1].

Однако индекс Педерсена не дает возможности увидеть эту закономерность. После относительно высокого значения в 1995 г. он вдвое снижается на рубеже 1990-х – 2000-х гг., т.е. в момент достаточно существенных изменений в партийной системе.

Такое снижение можно объяснить только структурными изменениями, т.е. увеличением межэлекторальной волатильности. Именно в это период доля голосов избирателей, отданных за ликвидированные, радикально преобразованные и вновь созданные партии, увеличилась столь существенно, что стабильным партиям досталось гораздо меньше, чем ранее. Достаточно сложно однозначно интерпретировать и рост значения этого индекса в 2007 г. Очевидно, что самый весомый вклад в величину его значения внёс почти двукратный скачок голосов, отданных за «Единую Россию». Не исключено, что это повышение связано и с отмеченным в литературе отказом Кремля от эффективной поддержки «Справедливой России»: в последний момент власти решили не создавать поводов для раскола бюрократического аппарата между двумя конкурирующими «партиями власти» [10, с. 67]. В результате на думских выборах 2007 г. «Справедливая Россия» набрала почти вдвое меньше голосов, чем её предшественницы в 2003 г.

Несомненно, что на повышении уровня электоральной волатильности в 2007 г. отразилось сокращение общего числа партий. Свою роль в повышении индекса Педерсена (впрочем, относительно небольшую) сыграла и отмена в 2006 г. графы «против всех» в избирательных бюллетенях: часть избирателей, ранее делавших такой выбор, теперь была вынуждена голосовать за «минимально нежелательные» партии.

Но если соотнести индекс Педерсена с индексом межэлекторальной волатильности, картина становится куда более ясной. Наивысшие значения дополняющего индекса приходятся именно на 1990-е гг. В резком его снижении в 2000-е гг. проявила себя быстрая маргинализация малых партий в результате усилий федеральных властей по повышению управляемости партийной системы. И даже появление новых партий после реформы 2012 г. не привело к существенным изменениям в партийной системе: парламентская четвёрка стабилизировалась, и господствующему положению «партии власти» никто не угрожает.

Индекс общей волатильности показывает, что неустойчивость российской партийной системы в 1990-е гг. была чрезвычайно высокой, что вполне естественно: подавляющее большинство партий ещё находилось в процессе становления. Своего пика она достигает к выборам 1999 г., когда количество ликвидированных, радикально преобразованных и вновь созданных партий достигло максимума. В течение последующего времени неустойчивость поэтапно снижалась, достигнув на последних по времени выборах вполне приемлемой для политической системы величины.

Примерно ту же закономерность демонстрирует и индекс Пауэлл – Такера. Из-за неучёта вклада малых партий его значение ниже, чем у индекса общей волатильности. Лишь в 2011 г. эти значения почти сравнялись. Однако демонстрационный эффект индекса Пауэлл – Такера все же представляется несколько менее надежным. Достаточно обратить внимание на показатели 2007 и 2016 гг., когда значения индекса Пауэлл – Такера оказываются ближе к индексу Педерсена, чем к индексу общей волатильности. Приходится констатировать, что этот показатель лишь отчасти отражает общую динамику партийной системы.

Таким образом, анализ российской электоральной статистики при помощи индексов волатильности позволяет сделать вывод о том, что наибольший результат даёт их комплексное применение. Если индекс общей волатильности демонстрирует агрегированную динамику партийной системы, то его разложение на электоральную и межэлекторальную составляющие даёт возможность судить о том, в каких сегментах партийной системы происходили самые существенные изменения, и оценить масштабы этих изменений. Что же касается индекса Пауэлл – Такера, то при всем удобстве вычисления его эвристическое значение ограничивается лишь приблизительной оценкой общего масштаба перемен, которые происходят в партийной системе.

Список литературы

1. Выборы, референдумы и иные формы волеизъявления. – Режим доступа: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Данилин, П. Партийная система современной России / П. Данилин. – Москва : Аргументы недели, 2015. – 400 с.
3. Иванова, М. В. «Либерализация» партийного законодательства после декабря 2011 г. / М. В. Иванова // Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра / под ред. Ю. Г. Коргунока и Г. М. Михалева. – Москва : КМК, 2012. – С. 139–144.
4. Иванова, М. В. Эффекты изменения избирательного законодательства и партийное представительство: региональные, национальные и бизнес-элиты / М. В. Иванова // Политическая наука. – 2015. – № 1. – С. 114–127.
5. Коргунок, Ю. Г. Становление партийной системы в современной России / Ю. Г. Коргунок. – Москва : ИНДЕМ ; МГПУ, 2007. – 544 с.
6. Кынев, А. В. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция / А. В. Кынев, А. Ю. Любарев. – Москва : Либеральная миссия ; Новое литературное обозрение, 2011. – 792 с.
7. Любарев, А. Ю. Партийное строительство в 2012–2014 гг. / А. Ю. Любарев // Партийная реформа и контрреформа 2012–2014 годов: предпосылки, предварительные итоги, тенденции / под ред. Н. А. Борисова, Ю. Г. Коргунока, А. Е. Любарева, Г. М. Михалева. – Москва : КМК, 2015. – С. 63–70.
8. Любарев, А. Е. Законодательство о выборах и партиях: четверть века метаний / А. Е. Любарев, Ю. Г. Коргунок, Г. М. Михалева // Партийная реформа и контрреформа 2012–2014 годов: предпосылки, предварительные итоги, тенденции / под ред. Н. А. Борисова, Ю. Г. Коргунока, А. Е. Любарева, Г. М. Михалева. – Москва : КМК, 2015. – С. 53–62.
9. Михалева, Г. М. Партии и гражданское общество: алгоритмы взаимодействия / Г. М. Михалева // Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра / под ред. Ю. Г. Коргунока, Г. М. Михалева. – Москва : КМК, 2012. – С. 74–95.
10. Саква, Р. Партия и власть в современной России: между представительством и мобилизацией / Р. Саква // Политическая наука. – 2015. – № 1. – С. 60–72.
11. Туровский, Р. Ф. Электоральное пространство России: от навязанной национализации к новой регионализации? / Р. Ф. Туровский // Полития. – 2012. – № 3 (66). – С. 100–120.
12. Устинкин, С. В. Политические партии в процессе принятия решений в Государственной Думе Российской Федерации: теоретико-методологические и прикладные аспекты / С. В. Устинкин, С. Н. Царевский. – Нижний Новгород : Нижегородский гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2010. – 210 с.
13. Шашкова, Я. Ю. Российская партийная система в условиях трансформации политического режима (конец XX – начало XXI в.) / Я. Ю. Шашкова. – Барнаул : Алтайский гос. ун-т, 2009. – 180 с.
14. Ersson, S. Electoral volatility in Europe: Assessments and potential explanations for estimate differences / S. Ersson // Paper to be presented to the 2012 Elections, Public Opinion and Parties (EPOP) Conference Oxford University, September 7–9, 2012. – Oxford : University Press, 2012. – 41 p.
15. Pedersen, M. N. The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility / M. N. Pedersen // European Journal of Political Research. – 1979. – Vol. 7, № 1. – P. 1–26.
16. Powell, E. Revisiting Electoral Volatility in Post-Communist Countries: New Data, New Results, and New Approaches / E. Powell, J. A. Tucker // British Journal of Political Science. – 2014. – Vol. 44 (1). – P. 123–147.

References

1. *Vybory, referendumy i inye formy voleizyavleniya* [Elections, referenda and other forms of will]. Available at: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>.
2. Danilin P. *Partynaya Sistema sovremennoy Rossii* [Party system of modern Russia]. Moscow: Argumenty nedeli Publ., 2015, 400 p.
3. Ivanova M. V. "Liberalizatsiya" partiynogo zakonodatelstva poslede kabrya 2011 g. ["Liberalization" of the party legislation after December, 2011]. *Partii i vybory: vchera, segodnya, zavtra* [Parties and elections: yesterday, today, tomorrow]. Ed. by Yu. G. Korgunyuk, G. M. Mikhaleva. Moscow, KMK Publ., 2012, p. 139–144.

4. Ivanova M. V. Effekty izmeneniya izbiratel'nogo zakonodatel'stva i partiynoe predstavitel'stvo: regionalnye, natsionalnye i biznes-elity [Effects of change of electoral laws and party representation: regional, national and business elite]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 2015, no. 1, p. 114–127.
5. Korgunyuk Yu. G. *Stanovlenie partiynoy sistemy v sovremennoy Rossii* [Formation of party system in modern Russia]. Moscow, Fund INDEM Publ., Moscow State Pedagogical University Publ., 2007, 544 p.
6. Kynev A. V., Lyubarev A. Yu. *Partii i vybory v sovremennoy Rossii: Evolutsiya i devolyutsiya* [Parties and elections in modern Russia: Evolution and devolution]. Moscow, Fund Liberal mission Publ., Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, 792 p.
7. Lyubarev A. Yu. Partiynoe stroitel'stvo v 2012–2014 gg. [Party construction in 2012–2014]. *Partiynaya reforma i kontrreforma 2012–2014 godov: predposylki, predvaritel'nye itogi, tendentsii* [Party reform and counterreform of 2012–2014: prerequisites, preliminary results, tendencies]. Ed. by N. A. Borisov, Yu. G. Korgunyuk, A. Ye. Lyubarev, G. M. Mikhaleva. Moscow, KMK Publ., 2015, pp. 63–70.
8. Lyubarev A. Ye., Korgunyuk Yu. G., Mikhaleva G. M. Zakonodatel'stvo o vyborakh i partiyyakh: chetvert veka metaniy [Legislation on elections and parties: quarter of the century of throwings]. *Partiynaya reforma i kontrreforma 2012–2014 godov: predposylki, predvaritel'nye itogi, tendentsii* [Party reform and counterreform of 2012–2014: prerequisites, preliminary results, tendencies]. Ed. by N. A. Borisov, Yu. G. Korgunyuk, A. Ye. Lyubarev, G. M. Mikhaleva. Moscow, KMK Publ., 2015, p. 53–62.
9. Mikhaleva G. M. Partii i grazhdanskoe obshchestvo: algoritmy vzaimodeystviya [Parties and civil society: interaction algorithms]. *Partii i vybory: vchera, segodnya, zavtra* [Parties and elections: yesterday, today, tomorrow]. Ed. by Yu. G. Korgunyuk, G. M. Mikhaleva. Moscow, KMK Publ., 2012, p. 74–95.
10. Sakva R. Partiya i vlast v sovremennoy Rossii: mezhdru predstavitel'stvom i mobilizatsiey [Party and the power in modern Russia: between representation and mobilization]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 2015, no. 1, p. 60–72.
11. Turovskiy R. F. Elektoralnoe prostranstvo Rossii: ot navyazannoy natsionalizatsii k novoy regionalizatsii? [Electoral space of Russia: from the imposed nationalization to new regionalization?]. *Politiya* [Polity], 2012, no. 3 (66), p. 100–120.
12. Ustinkin S. V., Karevskiy S. N. *Politicheskie partii v protsesse prinyatiya resheniy v Gosudarstvennoy Dume Rossiyskoy Federatsii: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty* [Political parties in decision-making process in the State Duma of the Russian Federation: methodological and application-oriented aspects]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State Linguistic University Publ., 2010, 210 p.
13. Shashkova Ya. Yu. *Rossiyskaya partiynaya sistema v usloviyakh transformatsii politicheskogo rezhima (konets XX – nachalo XXI v.)* [The Russian party system in the conditions of transformation of a political regime (the end of XX – the beginning of the XXIst century)]. Barnaul, Altai State University Publ., 2009, 180 p.
14. Ersson S. Electoral volatility in Europe: Assessments and potential explanations for estimate differences. *Paper to be presented to the 2012 Elections, Public Opinion and Parties (EPOP) Conference Oxford University, September 7–9, 2012*. Oxford, University Press, 2012, 41 p.
15. Pedersen M. N. The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility. *European Journal of Political Research*, 1979, vol. 7, no. 1, p. 1–26.
16. Powell E., Tucker J. A. Revisiting Electoral Volatility in Post-Communist Countries: New Data, New Results, and New Approaches. *British Journal of Political Science*, 2014, vol. 44 (1), p. 123–147.